

Как только мысли улеглись, нахлынуло привычное сомнение. Фань Цинцзи купался в лунном свете, отрешенно глядя на луну.

— Немного не спится.

Спокойствие, которое дарил вид луны, не могло пересилить чувство нереальности происходящего в душе. Фань Цинцзи шевельнул губами:

— Девятнадцать.

Это была единственная правда в его жизни.

Отец в обычное время был мягким, но придерживался строгих графиков и жестких рамок. Требования его были суровы.

Мать же, когда бывала дома, вела себя легкомысленно. Мало того что она была человеком ненадежным, так еще и любила таскать его с собой в авантюры, за что потом отец неизменно добавлял к списку наказаний стояние в углу.

Впрочем, такие моменты случались крайне редко.

Еще в раннем детстве ему подготовили новую личность и сменили имя.

— Вэнь Цзилинь, правда, звучит красиво? — мать с торжествующим видом любовалась этим именем, то и дело тыча длинным пальцем в пухлую щечку Вэнь Цзилиня. Она подперла подбородок ладонью, а на губах играла насмешливая, провокационная улыбка.

Вэнь Цзилинь уже не помнил, что тогда ответил. Отец промолчал. Мальчик тоже пытался подражать отцовской невозмутимости, но вечно терпел неудачу.

В конце концов, мать была поистине удивительной женщиной.

Помимо повседневной жизни, Вэнь Цзилинь внимательно следил и за собой. В конце концов, быть похищенным в девять лет душевнобольным поклонником матери — это редкий жизненный опыт.

Вэнь Цзилинь не собирался помогать самому себе.

Ведь то, что он выживет в будущем, было во многом заслугой именно этого испытания. Все, что он мог сделать — это постараться избавить себя от лишних страданий.

Любить дерево — значит позволить ему пройти через бури, чтобы оно стало крепким и несокрушимым.

Если бы Фань Цинцзи не прошел через это, даже под его защитой он неминуемо погиб бы.

Вэнь Цзилинь медленно закрыл глаза. Боль от слияния с Останками божества, напротив, действовала как успокоительное, помогая уснуть. В вихре мыслей он снова вспомнил то□□□ное, по-детски серьезное личико Фань Цинцзи, которое он тайком разглядывал в тот день.

Многие из тех страданий были бессмысленны. Его же собственная задача состояла в том, чтобы стереть из души Фань Цинцзи отчаяние и сохранить ту искру жизни, что еще теплилась в нем.

Сам он научился терпеть и молчать через неделю после того, как его схватили, а последующие полмесяца... тоже не прошли даром. Но раз уж появился он, то такой суровости больше не требовалось.

Он будет его оберегать.

Наполненный цветочным ароматом воздух окутал Вэнь Цзилиня, и он провалился в кошмар. Но в отличие от прошлых снов, в этот раз в нем чувствовалась сладкая нотка цветов и едва уловимое мерцание звезд.

Девятый день рождения выдался дождливым. Запах влажной земли пропитал сырые чувства. Мать пекла ему торт на кухне, а отец рядом возился с обедом.

Они говорили, что родители в обычных семьях именно так любят своих детей: все, что есть у других, должно быть и у их ребенка.

Вэнь Цзилинь не стал спорить. Если бы не последовавшая за этим битва кремом, он бы сам сделал матери цветочный букет в стиле Koslyfan в качестве подарка на день рождения.

Но сейчас... Вэнь Цзилинь с равнодушным видом вытер крем с лица и, ворвавшись на кухню, зачерпнул порцию, вступая в бой.

Там, где мать, всегда хаос! Вэнь Цзилинь затаил обиду: на ее день рождения он подарит ей только гоночный костюм от Karefei.

Когда пришло время зажигать свечи, Вэнь Цзилинь вставил цифры восемнадцать. Мать не стала расспрашивать. Она на самом деле знала не так много, но это не мешало ей любить Вэнь Цзилиня.

В мерцании свечей он прошептал серию таинственных слов. Это было Божественное Слово: Когда взойдет полная луна, я стану своей тенью и буду оберегать того, кого люблю.

Следующие несколько дней лили дожди. В этот момент Фань Цинцзи, должно быть, дрожал от страха на той вилле. Вэнь Цзилинь рассеянно нажал на клавишу пианино, пока стоящий рядом учитель что-то оживленно жестикулировал и без умолку болтал.

Гении, возможно, все немного не в себе, как и тот безумец. Вэнь Цзилинь сосредоточился на игре, стараясь не думать об этом.

Каждый день ему докладывали о ситуации в том месте, а Вэнь Цзилинь лишь слушал, собирая информацию.

Фань Цинцзи же приходилось несладко.

Его похитили без всякой причины, а затем без всякой причины начали мучить. Банда из трех человек не требовала выкупа у родителей, им просто нравилось его порабощать.

Фань Цинцзи пытался вести переговоры, предлагал деньги, но все было тщетно. Сейчас он действительно был близок к отчаянию.

Главарь, худощавый и красивый мужчина с прической маллет и шрамом на лице, выглядел пугающе привлекательно. Его улыбка всегда была наполнена нездоровым возбуждением, глаза прищуривались от удовольствия, а речь была путаной и непонятной.

Настоящий маньяк, получающий удовольствие от страданий, да еще и душевнобольной.

Фань Цинцзи было не до любования красотой, он хотел лишь остаться в живых. Мужчина был крайне переменчив в настроении, и Фань Цинцзи приходилось быть предельно осторожным, учиться читать мысли по глазам, чтобы избежать лишней боли.

Он не знал, сколько еще продлится этот ад, единственное, что он мог делать — это стараться выжить.

Вэнь Цзилинь скучающе листал досье на этого человека.

Суй Син.

Мужчина.

27 лет.

С восемнадцати лет находился в психиатрической лечебнице из-за поджога, в котором погиб его отец. Раньше жил по соседству с его матерью, похоже, был одним из ее поклонников.

На фотографии мальчик выглядел жизнерадостным, с доброй улыбкой. Трудно было представить, как он дошел до такого состояния.

Закрыв досье, Вэнь Цзилинь отправил сообщение супругам Фань. Что касается того мужчины, Вэнь Цзилинь не считал, что все дело было лишь в любви, переросшей в ненависть.

Фань Цинцзи был спасен в одну из беззвездных ночей. Серебристый лунный свет заливал его, мальчик молчал, просто глядя в пустоту.

— Сегодня прекрасная луна, — в глазах Суй Сина читалось болезненное наслаждение.

В этот момент он сидел на пустыре, задрал голову и зачарованно глядя на луну. Вэнь Цзилинь сел рядом и задал лишь один вопрос:

— Почему?

Суй Син опустил голову, упавшие пряди волос скрыли глаза, а уголки губ изогнулись в соблазнительной улыбке:

— По просьбе одного человека.

Вэнь Цзилинь ничего не ответил, лишь протянул ему кинжал.

В лунном свете кожа Суй Сина казалась прозрачно-бледной, а ярко-красные губы, изогнутые в улыбке, ясно давали понять, как он возбужден. Он поднял руку, и кинжал вошел в грудь. Вэнь Цзилинь услышал его тихий голос:

— В этот раз мы оба обретем покой.

Подхватив оседающее тело Суй Сина, Вэнь Цзилинь ни о чем не стал спрашивать. В его сердце уже зародился смутный образ:

— Прощай.

Луна светила ярко, так ярко, что не было видно даже мерцания звезд, но она всегда была там.

Теперь они были в расчете.

С тех пор Вэнь Цзилинь, как и прежде, следил за Фань Цинцзи, но не вмешивался. В конце концов, если не считать того случая, жизнь Фань Цинцзи текла гладко.

Так, сам того не зная, Фань Цинцзи был под негласным присмотром одиннадцать лет.

Одиннадцать лет пролетели незаметно. Шестнадцатилетний Вэнь Цзилинь вырос в ослепительного юношу, в чьей внешности проглядывала особая, притягательная невинность. В этот солнечный день он неспешно поливал цветы, выглядя как ожившая картина.

— Брат Вэнь! — к нему прибежала соседская девочка. Рожденная летом, она была яркой, как солнце, а ее глаза сияли. Сейчас она протягивала ему телефон, чтобы он посмотрел.

— Сегодня я была в парке развлечений и видела там парня, который очень похож на брата Вэня, — маленькая девочка жестикулировала, было видно, что она впечатлена.

Это был Фань Цинцзи, он сопровождал свою кузину. Он не только почти не катался на аттракционах, но и чуть не умер от страха в доме с привидениями. Вэнь Цзилинь, который знал о каждом его шаге, мягко улыбнулся и погладил девочку по голове:

— И что, Цинцин ошиблась?

Ян Луцин склонила голову набок и рассмеялась:

— Нет, что ты! Тот парень совсем не похож на брата Вэня по ощущениям.

Вэнь Цзилинь слегка улыбнулся, не став больше смотреть на фотографию.

У них еще будет много фотографий.

Вечерний прохладный ветер коснулся щек. Вэнь Цзилинь стоял, прислонившись к машине, и рассеянно смотрел на неприметную деревянную вывеску Е Лань Цзюй.

Этот бар, славящийся своим алкоголем, приготовленным по древним рецептам, был местом, куда Фань Цинцзи часто сбегал. Уединенное, тихое, в обычные дни здесь было мало посетителей.

Вэнь Цзилинь медленно вошел внутрь.

Он не часто появлялся на публике, а его данные были засекречены. Поэтому, когда Фань Цинцзи впервые увидел Вэнь Цзилиня, он просто свалился со стула.

...Жалкое зрелище.

Вэнь Цзилинь облокотился на барную стойку, с невозмутимым видом наблюдая за несколько растерянным юношей на полу, и небрежно прихватил его бокал, осушив его до дна.

Закат на поле боя — гадость.

Опустив ресницы, Вэнь Цзилинь встретился взглядом с потрясенными глазами юноши.

<http://bllate.org/book/22457/2361607>